

УДК 821.111.5

Андрей Юрьев

Российский государственный институт сценических искусств

ИБСЕН, БЛОК И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (О СВЯЗЯХ ПОЭМЫ «ДВЕНАДЦАТЬ» С ДРАМАТИЧЕСКОЙ ДИЛОГИЕЙ «КЕСАРЬ И ГАЛИЛЕЯНИН»)

Для цитирования: *Юрьев А. А.* Ибсен, Блок и русская революция (о связях поэмы «Двенадцать» с драматической дилогией «Кесарь и Галилеянин») // *Скандинавская филология.* 2022. Т. 20. Вып. 2. С. 357–371.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.209>

В статье выявляются связи между поэмой А. А. Блока «Двенадцать» (1918) и «всемирно-исторической драмой» Х. Ибсена «Кесарь и Галилеянин» (1873). Отталкиваясь вслед за норвежским драматургом от христианского парадоксализма, поэт радикализирует его настолько, что разламывает рамки традиционных христианских представлений. В поэме можно заметить довольно сложную опосредованную связь с парадоксализмом и Достоевского (чью христианскую идентичность трудно поставить под сомнение), и особо любимого Блоком Ибсена, в системе воззрений которого важно заметить лютеранскую доминанту, имплицитно отсылающую к некоторым гностическим воззрениям, которые вполне логично актуализировались в европейской культуре последних двух столетий. Заслуживает внимания сходство между столь разными, на первый взгляд, произведениями, как «Двенадцать» и ибсеновская дилогия: в обоих Христос является призрачно, не во плоти, у Блока — незримо для всех персонажей, у Ибсена — как видимый лишь очень немногими. И в том и в другом случае он несет возмездие — эта тема одинаково важна как в творчестве Ибсена, так и в творчестве Блока. Как у норвежского драматурга, так и у русского поэта-символиста мировая история осмысляется с позиций религиозно-метафизического парадоксализма. Герой Ибсена, отрекшийся от Христа, начинает самые жестокие, кровавые гонения на христианскую церковь с целью истребить христианство (стреляющие и в «Святую Русь», и в незримого для них Христа блоковские красногвардейцы создают ему в таком случае своеобразную параллель), но достигает цели, противоположной своим намерениям: он очищает христианство и тем самым его спасает. Об ибсеновском Юлиане можно сказать то же, что было сказа-

но Блоком о Красной гвардии — это «вода» на мельницу христианской церкви. Трудно сказать, вспоминал ли Блок об ибсеновской диалогии, работая над своей поэмой, однако параллелизм художественного мышления обоих авторов — факт очевидный и заслуживающий внимания.

Ключевые слова: Ибсен, *Кесарь и Галилеянин*, Блок, *Двенадцать*, норвежская литература, русская литература, русская революция.

Двадцать два года назад, в связи с широко отмечавшимся в мире 2000-летием христианства, редакция литературного журнала «Знамя» организовала заочный круглый стол, посвященный финалу блоковской поэмы «Двенадцать». Один из его участников, Николай Богомолов, предварил свое выступление знаменательными словами: «Сама ситуация, когда современный журнал, ориентированный на литературную злободневность, решил обсудить смысл поэмы, появившейся более восьмидесяти лет назад, очень показательна. Значит, “Двенадцать” и ее финал до сих пор воспринимаются как что-то очень актуальное, не потерявшее действительности» [Финал «Двенадцати», 2000, с. 195].

И сегодня можно констатировать: не только поэма «Двенадцать», но и все позднее творчество Блока, неразрывно связанное с русской революцией, сохраняет актуальность, провоцируя споры, выходящие далеко за пределы чисто академической проблематики. Если в последние десятилетия советского периода статус «восславившего революцию» классика гарантировал автору «Двенадцати» иммунитет от любых публичных инвектив, то идеологические баталии вокруг революции, разгоревшиеся в условиях кризиса, а затем распада СССР и не утихающие поныне, с неизбежностью вовлекли в свою орбиту творчество Блока. Острота споров и амплитуда сегодняшних оценок поздних блоковских текстов как будто зеркально отражают острую эмоциональную реакцию современников поэта. Даже в строгих по форме историко-теоретических штудиях подчас проступает желание «реабилитировать» Блока либо, напротив, «заклеймить» его. Причем по-прежнему в большинстве подобных работ, как заметил Г. М. Фридлендер еще в 1995 г., «их авторы всецело исходят из своего сегодняшнего отношения к октябрьскому перевороту 1917 года» [Фридлендер, 1995, с. 108].

Такой субъективизм исторически закономерен. Если страсти до сих пор не могут остыть, если обсуждение тем, связанных с рус-

ской революцией, ведется в атмосфере, далекой от того спокойно-го историзирования, с каким дискутируется, к примеру, сегодняшними французами феномен якобинской диктатуры, это служит одним из прямых свидетельств *незавершенности* в России революционного цикла, вступившего на рубеже 1980-х — 1990-х гг. в фазу реставрации. Можно, конечно, по-разному относиться к этому факту, но отрицать его довольно трудно. Знакомясь в таких условиях с иными сегодняшними упреками в адрес Блока, поневоле вспоминаешь дневниковую запись поэта 14 января 1918 г.: «Происходит совершенно необыкновенная вещь (как всё): “интеллигенты”, люди, проповедовавшие революцию, “пророки революции”, оказались ее предателями. Трусы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи» [Блок, 1963а, с. 318].

В дискуссии 2000 г. о финале «Двенадцати», до сих пор остающейся, пожалуй, самой показательной, наиболее взвешенной выглядит позиция С. С. Аверинцева, одинаково далекая от «прокурорских» и «адвокатских» крайностей: «Перед нами вопрос, на который Блок не ответил. Читатель может, если захочет, попробовать дать свой ответ. Амплитуда возможных ответов довольно широка. Нужно только учитывать две ее границы — с одной и с другой стороны. Во-1-х, нет ни малейшей возможности не учитывать антихристианской константы блоковского творчества. <...> Как само собой разумеется в кругу его культуры, константа эта была более или менее ницшеанской. Кстати, должен сознаться, что загадочная строчка про “белый венчик из роз” у меня лично вызывает ассоциации с “венцом смеющегося, этим венцом из роз”, возникающим под самый конец раздела “О высшем человеке” в IV части “Так говорил Заратустра”. А что, разве в этом плясовом ритме дионисийских 4-стопных хореев — “И за вьюгой невидим, / И от пули неведим...” — нет смеха, скажем, того *долгого смеха*, которым *заливается* вьюга? <...> Во-2-х, наши догадки должны быть ограничены и с противоположной стороны: если читатель вправе увидеть на соответствующем месте именно *Другого*, т. е. Антихриста, он не вправе увидеть в Блоке что-то вроде пророка и поборника Антихриста, и это совсем не из политкорректности по отношению к поэтам, но по существу дела. Приспешники Антихриста не задают нам вопросов, хотя бы самых тяжелых, самых смутных, а занимаются совсем иным делом: внушениями, не оставляющими

места ни для каких вопросов. Блок всматривается в то, что ему, по его же выражению, “*привиделось*”, и старается сказать нам об этом, избегая вмешательств в привидевшееся, даже тогда, когда вроде бы “*надо*”, чтоб было не так. Он не лжеучитель, потому что вовсе не учит. Должен сознаться в наивности, если это наивность: когда поэт на вопрос о его интенции свидетельствует: “*Не знаю*”, — я предпочитаю совершенно дословно верить такому свидетельству» [Финал «Двенадцати», 2000, с. 191].

Однако и такая позиция не вполне безупречна (ведь Блок увидел впереди красногвардейцев все-таки Христа, а не Другого и не Заратустру). Впрочем, не может быть в данном случае стопроцентно безупречна *любая* позиция, *любая* интерпретация, ибо на каждый аргумент найдется столь же весомый контраргумент. Оказываясь в довольно трудном положении, вдумчивый исследователь вынужден задуматься над вопросом, что означает сама эта ситуация как таковая, что кроется за парадоксом, остававшимся, видимо, загадкой и для самого поэта¹. Сей парадокс, разрешить который автор этих строк тоже не берется, может быть все-таки прояснен в плане его генезиса: коренится он все-таки в *христианском* парадоксализме, который у Блока радикализируется настолько, что разламываются рамки христианского гуманизма (образования, надо сказать, отнюдь не беспроблемного), и в конечном итоге читатель оказывается за пределами традиционной для христианства системы координат.

Было бы резонно соотнести два хорошо известных комментария самого Блока. Один из них — дневниковая запись 10 марта 1918 г.: «*Если бы* в России существовало действительное духовенство, а не сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы “*учло*” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем. У нас, вместо того, они “отлучаются от церкви”, и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции. “Красная гвардия” — “вода” на мельницу христианской церкви» [Блок, 1963а, с. 329–330]. Другой ком-

¹ Вспомним в связи с этим известную дневниковую запись Блока от 20 февраля 1918 г.: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» [Блок, 1963а, с. 326].

ментарий — из письма Ю. П. Анненкову 12 августа 1918 г.: «Если бы из левого верхнего угла “убийства Катьки” дохнуло густым снегом и сквозь него — Христом, — это была бы *исчерпывающая обложка*» [Блок, 1963б, с. 514].

Тут, на мой взгляд, можно заметить довольно сложную опосредованную связь с парадоксализмом и Достоевского (чью христианскую идентичность трудно поставить под сомнение), и особо любимого Блоком Ибсена, в системе воззрений которого важно заметить лютеранскую доминанту, имплицитно отсылающую к некоторым гностическим воззрениям, которые вполне логично актуализировались в европейской культуре последних двух столетий [см.: Юрьев, 2013, с. 37–46, 50–57].

Вспомним «убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги» [Достоевский, 1973, с. 251–252]². Памятуя о том, что в поэме Блока тоже есть «убийца и блудница», пускай образующие совсем иную конфигурацию, но тоже парадоксальным образом связанные с незримым Христом (на что и указывают приведенные выше слова Блока из письма к Анненкову), важно учесть, что у Достоевского Бог раскрывается не перед добропорядочным и вполне симпатичным Разумихиным, а перед «убийцей и блудницей», и не пройди Раскольников *весь* путь, начинающийся с убийства, перед ним не открылась бы в финале романа возможность духовного преображения (тема, глубоко разработанная, в частности, Б. Н. Тихомировым [см.: Тихомиров, 1994]). Евангельские заповеди в данном случае вовсе не отменяются (ведь они составляет неотъемлемую часть парадокса), но *морализм* не адекватен парадоксальности Достоевского. Как не адекватен он парадоксальности Блока и Ибсена, в письме которого к Георгу Брандесу от 24 сентября 1871 г. (значительная часть его текста отчеркнута серым карандашом Блока на полях³) есть такое признание: «Я смотрю на

² Попутно заметим, что «Преступление и наказание», известное Ибсену по переводу под названием «Раскольников», — одно из тех произведений русской литературы, которые чрезвычайно высоко ценились норвежским драматургом [см.: Тоструп, 2021, с. 398; Юрьев, 2021].

³ Как известно, Блок был активным читателем Ибсена [подробно см.: Магомедова, 2007]. Принадлежавший Блоку комплект восьмитомного издания полного собрания сочинений Ибсена в переводах А. В. и П. Г. Ганзен, вышедшего в Москве с 1904 по 1907 г., содержит множество помет, сделанных поэтом в тексте и на полях [см.: Библиотека А. А. Блока, 1984, с. 286–292].

характеры, на перекрещивающиеся замыслы, на *историю*, но меня несколько не занимает мысль — какую из всего этого можно вывести “мораль”. Говорю это, исходя из того предположения, что Вы под моралью истории не подразумеваете ее философии, так как само собою разумеется, что таковая будет давать себя знать в качестве окончательного суда над борющимся и побеждающим элементом» [Ибсен, 1906, с. 244].

Заинтересовавшие Блока слова Ибсена хронологически относятся к самой интенсивной фазе работы норвежского драматурга над всемирно-исторической драмой «Кесарь и Галилеянин», которую он всегда считал своим главным произведением и которую явно не один раз перечитывал Блок (пометки в принадлежавшем поэту книжном экземпляре сделаны серым, красным и синим карандашами). Заслуживает внимания сходство между столь разными, на первый взгляд, произведениями, как «Двенадцать» и ибсеновская диалогия: в обоих Христос является *призрачно, не во плоти*, у Блока — незримо для *всех* персонажей, у Ибсена — как видимый лишь очень немногими. И в том и в другом случаях он несет *возмездие* — эта тема одинаково важна как в творчестве Ибсена, так и в творчестве Блока⁴. Известный возглас красногвардейцев «То-

⁴ Восприятие русской революции как возмездия свыше было характерно для многих современников Блока. Обращаясь к финалу «Двенадцати», В. В. Кожин приводит высказывания убежденного крайне правого монархиста Б. В. Никольского: «*Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду*», — подчеркивает Никольский и, заявляя тут же, что «*я не иду и не пойду против них*», объясняет свой “нейтралитет” тем, что большевики — «*неудержимые и верные исполнители исторической неизбежности... и правят Россией... Божим гневом и попущением... Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того не хочет, и не думает. <...> Россией правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах*» [Кожин, 1999, с. 200–201]. «Державный шаг» ведомых незримо для них Христом красногвардейцев, этот объемный и многозначный блоковский символ, также может быть прокомментирован словами Никольского о большевиках: «они поистине орудия исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны, в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!..» И далее: «...они все поджигают и опрокидывают; но среди смердящих и дымящихся пожарищ будет необходимо строить с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей» [Кожин, 1999, с. 199–200].

варищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь — / В кондовую / В избяную / В толстозадую!» [Блок, 1960, с. 350] перекликается со словами из статьи «Интеллигенция и революция»: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой» [Блок, 1962, с. 150]. Здесь можно заметить и резонанс с антицерковными инвективами ибсеновского Юлиана из второго действия первой части, жирно отчеркнутыми Блоком на полях красным карандашом: «Где оно, это христианство, которое нужно спасать? Искать ли его во дворце императора или цезаря? Я думаю, сами дела их кричат: нет, нет. Искать ли его у знатных и власть имущих... у этих похотливых придворных, полумужчин, которые, скрестив руки на брюхе, пищат, вопрошая: “Сотворен ли из ничего Сын Божий?” <...> А вся эта оборванная толпа, эта чернь, которая неистовствует против храмов, избивает язычников, истребляет их со всем их родом! Это всё во имя Христа? Ха-ха! А потом убийцы дерутся между собой из-за имущества убитых... Спроси Макрину, не искать ли христианства в пустыне, среди столпников, торчащих на одной ноге? Или в городах? Может быть, среди тех константинопольских булочников, которые недавно пытались кулаками решить вопрос о том, что такое Троица — три лица или три ипостаси?.. Кого из них всех признал бы Христос своими учениками, если бы вновь сошел на землю?.. <...> Где христианство?» [Ибсен, 1905, с. 453].

Ирония Ибсена состоит в том, что на эти вопросы Юлиана отвечает вторая часть диалогии, где герой, отрекшийся от Христа, начинает самые жестокие, кровавые гонения на христианскую церковь с целью истребить христианство (стреляющие и в «Святую Русь», и в незримого для них Христа блоковские красногвардейцы создают ему в таком случае своеобразную параллель), но достигает цели, противоположной своим намерениям: он очищает христианство и тем самым его спасает. Об ибсеновском Юлиане можно сказать то же, что было сказано Блоком о Красной гвардии — это «вода» на мельницу христианской церкви. Как у норвежского драматурга, так и у русского поэта-символиста *мировая история осмысливается с позиций религиозно-метафизического парадоксализма*. Вот, видимо, почему Блок писал в 1920 г.: «*те, кто видят в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству,*

или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой» [Блок, 1960, с. 474].

Сказанное ни в коей мере не противоречит давно доказанному факту, что запечатленная в поэме революционная стихия предстает как бушующая в мироздании бесовщина [см.: Магомедова, 1990]⁵. Но парадоксальность увиденной Блоком ситуации (ведь впереди тех, которые «идут без имени святого», шествует «с кровавым флагом» сам незримый для них Христос, в которого они, сами того не подозревая, только что стреляли) состоит в том, что тут вполне уместно вспомнить отчеркнутые серым карандашом Блока слова ибсеновского Бранда: «Бог мой, Он — буря там, где ветер твой» [Ибсен, 1904, с. 321]. И тут вспоминается рискованное и весьма важное для понимания концепции как «Бранда», так и ибсеновской диалогии утверждение Лютера, не раз обвинявшегося в склонности к манихейству: «все нечестивое тоже трудится вместе с Богом» — утверждение, вызывавшее у отца Реформации такой ужас, что он не мог отделаться от сомнения, особенно жестоко преследовавшего его под конец жизни: «Невозможно разобраться, дьявол ли Бог или Бог — дьявол» [см.: Юрьев, 2013, с. 39–41]. С этой логикой коррелирует «манихейская» запись молодого Блока: «нет разницы — бороться с дьяволом или с Богом, — они равны и подобны; как источник обоих — одно Простое Единство, так следствие обоих — высшие пределы Добра и Зла — плюс ли, минус ли — одна и та же Бесконечность» [Блок, 1963а, с. 28; курсив мой. — А. Ю.]. Такой взгляд на мир, унаследованный Ибсеном и Блоком от древней гностической традиции, предполагает парадоксально «апофатический» способ утверждения какого-либо принципа, состоящий не в последовательно логическом его обосновании, но в напряженно страстном отвержении, отрицании, утверждении противоположного; и при этом он не может не порождать системы *бесконечно множащихся двойников*.

Как известно, на полях черновой рукописи «Двенадцати» есть блоковская заметка: «*И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников*» [Блок, 1960, с. 628]. Нетрудно заметить здесь не только отсылку к балладе Н. А. Некрасова «О двух великих грешниках»

⁵ Отсылаем читателя также к интересным, хотя не во всем бесспорным размышлениям С. Л. Слободнюка о связях поэмы Блока с «дьяволиадой» древнего гностицизма [Слободнюк, 1998, с. 289–305].

(«Кому на Руси жить хорошо», часть IV), но и евангельскую аллюзию: «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же, и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:39–43). Обратим внимание, что в словах второго разбойника нет покаяния в буквальном смысле, но все же есть признание нравственного закона, справедливости кары и обращение ко Христу как к Господу. С немалой натяжкой можно, конечно, экстраполировать смирение второго разбойника на смятение раскаявшегося в убийстве Катки Петрухи («Ох, пурга какая, Спасе!» — Блок, 1960, с. 356), но нет никакой возможности согласовать с ним поведение всей группы блоковских «разбойников-апостолов», этих парадоксальных «автодвойников», впереди которых шествует Христос («...И идут без имени святого / Все двенадцать — вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...»). Чем же обусловлено столь острое противоречие?

Блоковский парадоксализм станет яснее, если вспомнить ибсеновскую дилогию, в тексте которой автор «Двенадцати» жирно подчеркнул красным карандашом реплику Юлиана из третьего акта первой части, реплику, являющуюся своего рода герменевтическим ключом ко всему произведению Ибсена: «Существующего нет, а несуществующее есть» [Ибсен, 1905, с. 462]. Глубинная суть действия «Кесаря и Галилеянина» состоит в том, что в обеих частях циклично и при этом незримо разворачивается драма Страстей Христовых, а ролью, назначаемой Юлиану свыше, оказывается роль *двойника Христа*. Парадоксально само условие, без которого призвание Юлиана осталось бы неосуществленным: этим условием является *бесповоротное отречение от Христа в акте выбора*, которым завершается первая часть дилогии. Выбираемое Юлианом отступничество, окончательное «от-падение», выводящее героя на стезю богоборчества, радикально преобразует его волевою активностью, побуждает к решительным действиям на пути безграничного самоутверждения.

В четвертом действии второй части Василий Великий и его сестра Макрина обращаются к Юлиану со словами: «Ты подчинил

себе страны, царишь над народами, языка которых ты не понимаешь и нравов и обычаев которых не знаешь. И ты имеешь на это все права. Но теми же правами, которыми ты пользуешься в мире видимом, пользуется в мире невидимом тот, кого ты называешь Галилеянином. <...> Что ты так ненавидишь и гонишь? Не его, но свою веру в него. И не живет ли он в твоей ненависти, в твоём гонении, как живет в нашей любви?» [Ибсен, 1905, с. 646–647]. Обнаруживается закономерность: чем шире распространяется власть богоотступника над *зримым* миром, тем большей мощи достигает и *незримая* власть его божественного противника; чем яростнее борется герой со своим божественным антагонистом, тем отчетливее проступают в нем искаженные черты Галилеянина.

Парадоксальность такого двойничества достигает максимальной выразительности в сцене смерти Юлиана, пораженного ударом «римского копья с Голгофы», которая вся построена на явных и скрытых евангельских аллюзиях. «Что это? Разве солнце уже заходит? — спрашивает в томительной агонии герой и удивляется тому, что день в разгаре. — Мне показалось, что вдруг смерклось...» [Ибсен, 1905, с. 689]. («Было же около шестого часа дня; и сделалась тьма по всей земле до часа девятого» — Лк. 23: 44); «Горло горит. Не можете ли вы утолить?..» [Ибсен, 1905, с. 689]. («После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его» — Ин. 19: 28–29). Но Юлиан получает наполненную водой *чашу*, которая *не минует* его как часть заслуженного возмездия и которая в то же время есть милосердный дар христианки Макрины, некогда усмотревшей живого Христа в ненависти к Нему земного кесаря и теперь обращающейся к умирающему с краткой, но многозначительной репликой: «En drik vand, herre!» [Ibsen, 1929, s. 334]⁶. Наконец, в последних словах Юлиана «О солнце, солнце... зачем ты меня обмануло?..» [Ибсен, 1905, с. 689] без труда различимо изоморфное

⁶ «Плоток воды, господин!» В норвежском языке слово «herre» означает «господин»; но в устном произнесении исчезает разница между ним и «Herre», означающим «Господь» благодаря заглавной букве. Именно это и придает реплике Макрины чисто объективную, вполне проявляющуюся лишь в театральной постановке двусмысленность, порождаемую авторским «надтекстом», а не волей персонажа.

подобие известного возгласа: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46).

«Мистически-фаталистическое воззрение Ибсена» — эту характеристику из большого биографического очерка Ганzenов, связанную с «Кесарем и Галилеянином», Блок жирно подчеркнул красным карандашом [Ибсен, 1907, с. 167]. Но такая характеристика применима и к его собственной позиции, получившей трагически-патетическое выражение в поэме «Двенадцать» и во многом обусловленной напряженной *любовью-ненавистью* поэта к христианству и его основателю, очень сходной с амбивалентными эмоциональными порывами Юлиана⁷. Трудно сказать, вспоминали ли Блок об ибсеновской диалогии, работая над своей поэмой, однако выявленные образно-смысловые параллели очевидны и заслуживают внимания литературоведов.

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека А. А. Блока. Описание: в 3 кн. Кн. 1. Л.: Библиотека Академии наук СССР, 1984. 316 с.

Блок А. А. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т.3. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 714 с.

⁷ Тема «ненавистнической любви» ко Христу прямо заявлена Блоком в его предисловии к брошюре Р. Вагнера «Искусство и революция», написанном в марте 1918 г.: «Называя Христа в одном месте с ненавистью “несчастливым сыном галилейского плотника”, Вагнер в другом месте предлагает воздвигнуть ему жертвенник. <...> Как можно ненавидеть и ставить жертвенник в одно время? Как вообще можно одновременно ненавидеть и любить? <...> Вот этот яд ненавистнической любви, непереносимой для мещанина даже “семи культурных пядей во лбу”, и спас Вагнера от гибели и поругания. Этот яд, разлитый во всех его творениях, и есть то “новое”, которому суждено будущее» [Блок, 1962, с. 25]. Если учесть, что в тексте самой брошюры не заметить следов *ненависти* ко Христу (другое дело — к церковно-государственному христианству, искажившему, по мысли немецкого композитора, моральное учение Иисуса), позволительно предположить не вполне осознанное проецирование Блоком собственных переживаний на позицию Вагнера. В таком контексте станет, пожалуй, понятней завершение дневниковой записи поэта от 10 марта 1918 г., где сказано о Красной гвардии как о «воде» на мельницу христианской церкви и о «сиротливой деревянной церкви среди пьяной и похабной ярмарки»: «Разве я “восхвалял”? (Каменева). Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на *этом пути*, то увидишь “Иисуса Христа”. Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак» [Блок, 1962, с. 330]. И тут можно заметить амбивалентность, вполне избавиться от которой поэт не в силах.

- Блок А. А. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 6. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 556 с.
- Блок А. А. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 7. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963а. 543 с.
- Блок А. А. *Собрание сочинений: в 8 т.* Т. 8. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963б. 771 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений: в 30 т.* Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.
- Ибсен Г. *Полное собрание сочинений: в 8 т.* Т. 1. М.: Изд. С. Скирмунта, 1907. 604 с.
- Ибсен Г. *Полное собрание сочинений: в 8 т.* Т. 3. М.: Изд. С. Скирмунта, 1904. 521 с.
- Ибсен Г. *Полное собрание сочинений: в 8 т.* Т. 4. М.: Изд. С. Скирмунта, 1905. 691 с.
- Ибсен Г. *Полное собрание сочинений: в 8 т.* Т. 8. М.: Изд. С. Скирмунта, 1906. 464 с.
- Кожин В. В. *Россия. Век XX (1901–1939)*. М.: Алгоритм, 1999. 560 с.
- Магомедова Д. М. Александр Блок — читатель Ибсена (по материалам личной библиотеки поэта). *Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте: Материалы Международной конференции* (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2006 г.). СПб.: Пушкинский дом, 2007. С. 65–74.
- Магомедова Д. М. Блок и Волошин (Две интерпретации мифа о бесовстве). *Блоковский сборник XI*. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1990. С. 39–49.
- Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб.: Алетейя, 1998. 432 с.
- Тихомиров Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». *Достоевский и мировая культура: Альманах № 2*. СПб.: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, 1994. С. 25–41.
- Тоструп Х. День рождения 1898. *Вопросы театра*, 1–2, 2021. С. 396–401.
- Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года. *Знамя*, 11, 2000. С. 190–206.
- Фридендер Г. М. «Трилогия вочеловечения» (А. Блок и современные споры о нем). *Русская литература*, 4, 1995. С. 94–116.
- Юрьев А. А. Ибсеноведческий post scriptum: «Преступление и наказание» и «Росмерсхольм». *Вопросы театра*, 1–2, 2021. С. 402–439.
- Юрьев А. А. *Мистериальная традиция в театре Хенрика Ибсена: Монография*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, 2013. 178 с.
- Ibsen H. *Samlede verker: Hundreårsutgave*. Bd. 1–21. Bd. 7. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1929. 556 s.

Статья поступила в редакцию 2 августа 2022 г.;
рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Andrey Yuriev

Russian State Institute of Performing Arts

IBSEN, BLOK AND RUSSIAN REVOLUTION (ON CONNECTIONS BETWEEN THE POEM *THE TWELVE* AND THE DOUBLE-DRAMA *EMPEROR AND GALILEAN*)

For citation: Yuriev A. A. Ibsen, Blok and Russian revolution (on connections between the poem *The Twelve* and the double-drama *Emperor and Galilean*). *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 2, pp. 357–371.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.209> (In Russian)

The article deals with relations between Alexandr Blok's poem *The Twelve* (1918) and Henrik Ibsen's "world-historical drama" *Emperor and Galilean* (1873). Proceeding from the Christian paradoxical discourse after the Norwegian playwright, the poet radicalizes it so much that the bounds of traditional Christian worldview are broken down. In the poem, one can notice a rather complex indirect connection with the paradoxical discourse of both Dostoevsky (whose Christian identity is difficult to question) and Ibsen, especially beloved by Blok, in whose system of views it is important to notice the Lutheran dominant, implicitly referring to some Gnostic views that have quite logically been actualized in European culture of the last two centuries. The similarity between works so different, at first glance, as *The Twelve* and Ibsen's double-drama, deserves attention: in both cases, Christ appears ghostly, not in the flesh, in Blok — invisible to all the characters, in Ibsen — as visible only to very few. In both cases, he brings retribution — a theme equally important both in Ibsen's work and in Blok's poem. Both the Norwegian playwright and the Russian symbolist poet interpret world history from the standpoint of religious and metaphysical paradoxicalism. Ibsen's hero who renounced Christ begins the most brutal, bloody persecution of the Christian Church in order to destroy Christianity (Blok's Red Guards shooting at both "Holy Russia" and the invisible Christ for them create a kind of parallel for him in this case), but achieves the goal opposite to his intentions — he cleanses Christianity and thereby saves it. The same can be said about Ibsen's Julian that was said by Blok about the Red Guard — this is "water" to the mill of the Christian church. We do not know whether Blok think of *Emperor and Galilean* when working at his poem, but the parallels are obvious and remarkable.

Keywords: Ibsen, *Emperor and Galilean*, Blok, *The Twelve*, Norwegian literature, Russian literature, Russian revolution.

REFERENCES

- A. A. Blok's Library. In 3 vols. Vol. 1. Leningrad: Biblioteka Akademii nauk SSSR Publ., 1984. 316 p. (In Russian)
- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1960. 714 p. (In Russian)
- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1962. 556 p. (In Russian)

- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 7. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1963. 543 p. (In Russian)
- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 8. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1963. 771 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Collected Works in 30 vols.* Vol. 6. Leningrad: Nauka Publ., 1973. 423 p. (In Russian)
- Frindler G. M. "Incarnation Trilogy" (A. Blok and the modern discussions). *Russkaia literatura*, 4, 1995. P.94–116. (In Russian)
- Ibsen H. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 1. Moscow: S. Skirmunt Publ., 1907. 604 p. (In Russian)
- Ibsen H. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 3. Moscow: S. Skirmunt Publ., 1904. 521 p. (In Russian)
- Ibsen H. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 4. Moscow: S. Skirmunt Publ., 1905. 691 p. (In Russian)
- Ibsen H. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 8. Moscow: S. Skirmunt Publ., 1906. 464 p. (In Russian)
- Ibsen H. *Samlede verker: Hundreårsutgave.* Bd. 1–21. Bd. 7. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1929. 556 s.
- Kozhinov V. V. *Russia. XX Century (1901–1939).* Moscow: Algoritm Publ., 1999. 560 p. (In Russian)
- Magomedova D. M. Blok and Voloshin (Two Interpretations of the myth about devildom). *Blokovskii sbornik*, XI. Tartu: Tartu University Publ., 1990. P.39–49. (In Russian)
- Magomedova D. M. Blok as a Reader of Ibsen (Based on the Poet's Private Library). *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* (St Petersburg, 9–10 October 2006). St Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2007. P.65–74. (In Russian)
- Slobodnuk S. L. "Those who Walk the Paths of Evil..." (*Ancient Gnosticism and Russian Literature 1890–1930*). St Petersburg: Aleteya Publ., 1998. 432 p. (In Russian)
- The End in "The Twelve", Perspective Anno 2000. *Znaniya*, 11, 2000. P.190–206. (In Russian)
- Tikhomirov B. N. Concerning the Understanding of a Deep Perspective of F. M. Dostoevsky's "Crime and Punishment". *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: Almanack 2.* St Petersburg: Literaturno-memorialnyi muzei F. M. Dostoevskogo Publ., 1994. P.25–41. (In Russian)
- Tostrup H. Birthday in 1898. *Voprosy teatra*, 1–2, 2021. P.396–401. (In Russian)
- Yuriev A. A. Post scriptum in Ibsen Studies: "Crime and Punishment" and "Rosmersholm". *Voprosy teatra*, 1–2, 2021. P.402–439. (In Russian)
- Yuriev A. A. *The Mystery Play Tradition in Henrik Ibsen's Theater.* St Petersburg: Sankt-Peterburgskoi gosudarstvennoi akademii teatral'nogo iskusstva Publ., 2013. 178 p. (In Russian)

Юрьев Андрей Алексеевич

кандидат искусствоведения, профессор,
Российский государственный институт сценических искусств,
Российская Федерация, 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 33–35
E-mail: andr_ibsen@mail.ru

Andrey Yuriev

PhD in Art Studies, Professor,
Russian State Institute of Performing Arts,
33–35, Mokhovaya ul., St Petersburg, 191028, Russian Federation
E-mail: andr_ibsen@mail.ru

Received: August 2, 2022

Accepted: September 12, 2022